

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Он уже успел пересечь половину Англии и почти добрался до дома, прежде чем его заметили. Июньский день разгорался, и железнодорожные вагоны нагревались все жарче и все сильнее воняли куревом, а на пересадочных станциях толпилось все больше народу. В поезде, выехавшем из Нориджа, ему пришлось убеждать по-матерински заботливую женщину с мяукающей корзиной на коленях, что в Питерборо его встречают. Хуже всего было ожидание очередного поезда, и в Питерборо, и потом, почти пять часов спустя, в Лидсе: вокзалы превратились в пещеры, полные великанов, каждый из которых мог его схватить. Но стоило ему сесть в Лидсе на поезд до Старгрейва, как он решил, что теперь в безопасности. Ему и в голову не пришло, что чем ближе к дому, тем больше вероятность, что кто-нибудь его узнает.

У него в носу стоял затхлый запах вагона, а сердце стучало громко, словно колеса поезда. Он жалел, что не купил в дорогу еды, но после оплаты проезда из Нориджа от его сбережений осталось всего несколько пенни. Он с трудом сглотнул пересошим горлом и принялся старательно дышать, пока не исчезло ощущение угрозы,

порожденное влажной жарой раннего лета и поездом, который, раскачиваясь, несся через городскую окраину к вересковым пустошам Йоркшира. С каждой новой остановкой открытые всем ветрам холмы за домами как будто придвигались ближе и становились круче. Теперь пассажиры чаще выходили, чем входили, и когда за окном распахнулось поросшее вереском пространство, он и вовсе остался в вагоне один.

Небо становилось бледнее по мере того, как поезд приближался к нему. Склоны холмов, гляцевые от травы или ошетилившиеся английским утесником и вереском, подпирали голые известняковые кряжи, возносившиеся над рельсами. Зазубренные каменные стенки, напоминавшие ему хребты динозавров, разграничивали пастбища, по которым врассыпную бродили овцы. Ему показалось, что знакомые пейзажи приветствуют его. И это ощущение, и еще усталость от долгого пути, позволили ему погрузиться в дремоту и забыть, ради чего он возвращается домой.

Когда поезд подъехал к небольшой открытой платформе перед Старгрейвом, он заморгал, открывая глаза. Поезд с тяжким вздохом остановился, и на платформу торопливо поднялась женщина, одетая не по сезону тепло, в фиолетовое пальто, с платком на голове, и двинулась к ближайшей двери, подталкивая вперед одного из своих сыновей сумкой на колесиках и волоча за собой двух других, близнецов. Бен увидел ее лицо, освещавшееся красным огоньком каждый раз, когда она затягивалась опасно укоротившейся сигаретой, торчавшей из угла рта, и отпрянул назад, скрываясь из виду. Это была техничка из старгрейвской школы.

Может быть, она не успела его заметить. Он сполз по сиденью, когда у него за спиной с грохотом распах-

нулась дальняя дверь. Трое мальчишек, жизнерадостно галдя, ввалились в проход: близнецы тузили и пихали друг друга, младшенький вопил у них за спиной, чтобы подождали его, а их мамаша, вроде бы, была слишком сосредоточена на детях и удостоила одинокого пассажира лишь беглым взглядом.

— Прекратите немедленно, не то получите. Ну-ка, сели сюда! — скомандовала она и шлепнулась на сиденье через проход от Бена.— Сейчас же ко мне.

Она затушила окурок, но как только поезд тронулся, тут же закурила новую сигарету. Деревенские домики из песчаника сменились одиночными холмами, усеянными камнями и напоминавшими полуразрушенные постройки, и Бен постарался развернуться к окну всем телом. Он не столько боялся быть узнанным, сколько не сдержат эмоции, которые он подавлял целый день, приберегая до места назначения.

— Сидите смирно, вам говорю,— прикрикнула женщина, а затем Бен ощутил, как она перегнулась через проход, рассматривая его.— Ты что, голуба, один едешь? — спросила она.

Он попробовал притвориться, будто не слышит, но невольно еще сильнее развернулся к окну.

— Я с тобой разговариваю, голуба,— произнесла она, повышая голос.— Я же тебя знаю, правда? Ты не должен разъезжать в одиночку.

Близнецы зашушукались.

— Это он? — спросил один из них.— Он, да, мам? Тот мальчик, у которого и мама, и папа, и вообще все погибли на пустоши?

Бен зажмурился, чтобы подавить нахлынувшие чувства, и тогда женщина опустилась на сидение рядом с ним.

— Все в порядке, сынок, не нужно бояться,— зажурчала она так близко, что он ощутил на щеке жар от ее сигареты.— Я знаю, что ты сын Стерлингов. Откуда ты едешь? Очень плохо они поступили, те, кто должен был за тобой присматривать. Отпустить восьмилетнего ребенка одного.

Он испугался при мысли, что из-за него у тети будут неприятности. Та ведь так старалась, чтобы ему было хорошо — как она себе это представляла. Он закусил нижнюю губу, причмокнув так, что близнецы захихикали, и принялся мусолить ее, чтобы успокоиться.

— Не обращай на нас внимания, Бен,— продолжала женщина.— Поплачь. Вредно держать все в себе.

Зажмуриться еще сильнее он не смог, поэтому открыл глаза. Перед ними все плыло, как будто поток слез, который он силился сдержать, все-таки прорвался наружу. У него возникло ощущение, будто она украла его горе и выставила на всеобщее обозрение. Бену хотелось ударить по ее пухлому лицу, казавшемуся угрюмым от тревоги за него, по этому носу, ноздри которого раздувались и опадали при каждом вдохе и выдохе, по рябому двойному подбородку, из которого торчали жесткие рыжеватые волосы.

— Останешься пока с нами,— решила она,— и мы найдем того, кто о тебе позаботится, бедняжка.

Он мог бы сказать, что едет не в Старгрейв, а дальше, только она никогда особенно не прислушивалась к словам детей. И ему пришла мысль, настолько ясная, что он похолодел и ощутил пустоту в душе: остается лишь открыть дверь вагона и выпрыгнуть. По крайней мере, тогда он точно будет со своими родными. Он потянулся рукой за спину и нащупал ручку, ощутив, как подрагивает дверь. Ему достаточно лишь надавить на руч-

ку и вывалиться из поезда спиной вперед. Когда дверь поддастся, он закроет глаза. Вагон качнуло, и его отбросило на ручку, он почувствовал, как она опустилась, а в следующий миг дверь гроыхнула, женщина схватила его за руку и подтащила по сиденью к себе.

— Нельзя баловаться с вагонными дверями, сынок. Все вы, мальчишки, одинаковы.

Он едва не заплакал злыми слезами, не столько из-за того, что она помешала, сколько из-за того, что она причислила его к своим детям. Он бросился бы к двери, дождавшись, когда она отпустит его, и доказал бы, что она ему не указ, однако из-за возникшей задержки он понял, каково будет выпасть из поезда, и ему не хватило храбрости. Ее детей он почти не воспринимал — так, какое-то непрерывное недоброе копошение на противоположном сидении, — пока она не вцепилась в него еще крепче, пригрозив им свободной рукой:

— Сидите смирно. Через минуту уже выходим.

Один из близнецов копался в корзине и при звуке ее голоса зарылся еще глубже.

— Хочу конфеты.

Младший братец взвыл:

— Нечестно! Они всегда съедают все зеленые.

— Прекратите, — взвизгнула она, выпустив руку Бена. Из корзины вывалилась картошка, когда младшенький выдернул оттуда пакетик с конфетами и побежал прочь. Поезд замедлил ход, переезжая через мост над шоссе на окраине Старгрейва, за окном показался Лес Стерлингов, тенистый серебристо-зеленый массив над террасами улиц, застроенных коттеджами из песчаника и домишками цвета старого пергамента. Младший мальчишка запрыгнул на сиденье в конце вагона, размахивая пакетиком конфет над головой, но потом

близнецы вцепились в его добычу с такой силой, что пакет лопнул. Женщина собрала картошку и, пошатываясь, бросилась в проход, погрозив Бену похожим на желтоватую сосиску пальцем. — Не смей никуда уходить!

Он всегда слушался взрослых. Из тетиного дома он выскользнул до рассвета, оставив записку, в которой просил не волноваться за него, и, приоткрывая входную дверь, боялся, как бы она не проснулась и не окликнула его. И вот теперь его пригвоздило к месту чувство долга. Близнецы смеялись над младшим братом, который так и сжимал в руке разорванный пакетик от конфет, пока он не пнул одного по ноге, а другому не ткнул кулаком в глаз.

— Прекратите, вы же покалечите друг друга! — надрывалась их мать, раздавая подзатыльники тем, до кого удавалось дотянуться. — Больше никто не получит ни конфет, ни шоколадок, ни чипсов. И обещанные игрушки я вам не куплю, а новые ботинки сдам обратно в магазин...

Внезапно Бен исполнился презрения к ней, настолько сильного, что сам испугался. Поезд подкатил к станции. Бен рванул к двери и нажал на ручку. Дверь широко распахнулась, пятки больно ударились о землю, и он побежал к началу платформы быстрее поезда.

Начальник станции, неторопливый старик с подкрученными сверху усами, пожелтевшими от табачного дыма и никотина, вышел ему навстречу из своей будки. Он взглянул на билет Бена, а потом так резко вскинул голову, что Бен невольно проследил за его взглядом. Женщина в фиолетовом пальто одной рукой колотила по окну, а другой силилась открыть дверь, крича начальнику станции, чтобы он задержал Бена. Бену показалось, это слышит весь Старгрейв, хотя ее голос был заглушен стеклом.

— Придется подождать,— сказал начальник станции.

Он перегораживал Бену выход со станции. У Бена запыло в груди, и он снова задышал, только поняв, что начальник станции имеет в виду женщину.

— Кажется, ей бы пора уже научиться открывать двери,— заметил начальник станции и подмигнул Бену, забирая его билет.

Бен торопливо пошел к выходу, втянув голову в плечи из страха услышать за спиной окрик. Где-то слева, со стороны моста, звякнул колокольчик в дверях магазина. Справа, на площади, разбирали торговые палатки, и их металлические ребра бряцали о булыжник. Впереди, по направлению к лесу, извивались узкие боковые улочки, как будто уставшие подниматься напрямик. Услышав, как шумно открылась дверь вагона и женщина заорала на своих детей, требуя от них заткнуться, Бен перебежал Рыночную улицу, обогнув лужу разлитого машинного масла рядом с безлюдной стоянкой такси, и помчался вверх по переулку, соединявшему две боковые улицы.

Он не замедлял бега, пока станция не скрылась из виду, тогда он перешел на торопливый шаг, поднимаясь по склону холма между высокими, грубо сложенными стенами задних дворов. Кто-то заколачивал гвозди под комментарий кого-то другого: «Краску не обдери!», кто-то учил шумного попугая повторять свое имя. Спортивный комментатор вопил в микрофон так, что радиоприемник зашкаливало, а где-то в комнате на верхнем этаже женщина говорила: «Посмотрим, подойдет ли тебе ее старое платье». От возможности слышать голос города, оставаясь невидимым для него, Бен ощутил себя шпионом на секретном задании — задании, смысл которого теперь, когда он приближался к месту назначения, становился все менее понятным.